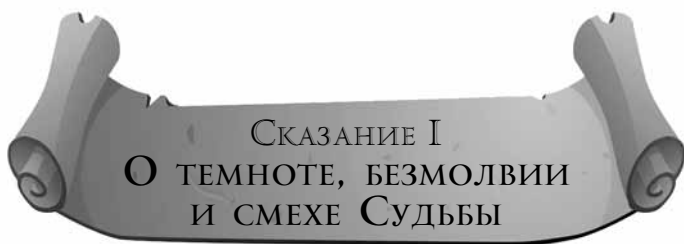

Глупо спорить с судьбой.
Рок и фатум извечно в законе,
и фортуна по жизни моей не бывала подружкой.

Г. Нейман

СКАЗАНИЕ I О ТЕМНОТЕ, БЕЗМОЛВИИ И СМЕХЕ СУДЬБЫ

От ранней юности я жребий мой познал,
Из урны роковой — погибельный, несчастный,
И взором трепетным и смутным пробегал
Судьбы моей скрижаль!..

В. Ф. Раевский

Вот все и кончилось.

Серебристый тополь неспешно роняет листья на плечи.

Вода в Амсанкте странно черная — словно гладь покрывала Нюкты-Ночи, словно кусочек той темноты, что таится за плечами: отвернись, шагни с десяток раз, и будет тебе вечный мрак. Пройди ущельем Тэнара еще пять-шесть стадий, протиснись через расщелину, распахав бесплотные тени, которые стекают сюда со всей округи, — и увидишь пристань, а возле нее — лодку, которая выглядит, будто вот-вот утонет. Два глаза по краям носа — не глаза, а провалы глазниц. Осмелишься шагнуть в судно — и старик, у которого, кажется, нет сил, чтобы толкнуться веслами, в два счета перебросит тебя через ледяные черные воды Стикса. От пристани недалеко до золотых врат на алмазных столбах — а там уж предстанешь перед шестью горящими глазами Цербера. Три разверстые пасти поприветствуют оглушительным рычанием, лениво дохнет огнем дракон вместо хвоста — грозное требование медовых лепешек, которые так любит страж ворот. И если не испугаешься и лепешки при тебе — вскоре, пробираясь в толпе теней, сможешь пройти по полям асфоделя. Не смутишься видом чудовищ, мук, не свернешь с мощенной белыми плитами дороги — и, озаренный отблесками огненной реки, перед тобой встанет дворец Владыки подземного мира — Аида Непреклонного, Аида Гостеприимного, богатого и безжалостного, вечного тюремщика здешних подземелий.

Остановился? Иди, не бойся. Владыки нет в его дворце — ужасающей своей красотой глыбе черного базальта. Ты не найдешь его на кручах у Ахерона, где он, как говорят, любит прозуливаться, и у гранатовой роищи,

и у Стигийских болот — обители чудовищ, и у провала, ведущего в Тартар... У Леты, где он нечасто, но бывает, его тоже нет.

Потому что сейчас он — напротив меня.

Здесь, на черте пограничья, мир, кажется, еще должен жить, но живет почему-то только серебристый тополь — и тот вечно облетает и никогда не цветет, а в озере никогда ничего не плещется: черная однородная вода, над которой я сижу, глядя в его лицо. Словно высеченное из скальных пород, скуластое и жесткое, в каждую черточку впитался мрак его мира — и мраком стекают на плечи волосы, и глаза — как провалы Тартафа, где нет жизни. Вот он сидит на обрыве, слегка сутулившись, — сын без родителей, муж без жены, брат без братьев и сестер, губы сжаты в узкую линию — будто вовсе нет рта...

Он?... я?

И листья серебристого тополя падают на плечи, летят в Амсанкт, смущая черные воды озера, превращая его — в зеркало памяти. Тополь тоже знает: все уже кончилось. Теперь обернуться в последнем усилии к той, что замерла за плечами, а потом... потом...

Все потом. А пока пусть чуть подождет время. Мы с ним — одной крови, я могу попросить по старой памяти. Битва малость затянулась, с пальцев до сих пор капает ихор¹, а блаженного безделья я не позволял себе очень давно, но теперь все кончилось и можно посидеть на обрывистом берегу озера — подвести в уме бесконечно длинную черту.

Все кончилось. Что? То, что когда-то началось.

Из-за спины — то ли вздох, то ли смех. И вопрос — немой: «А ты помнишь, как начиналось?»

Я ловлю на обожженную левую ладонь серебристый лист тополя и гляжу в черную воду — черную не как Стикс или мой мир, черную, как было там, в начале.

Я размыкаю губы, позволяя дару Мнемозины² владеть мною безраздельно.

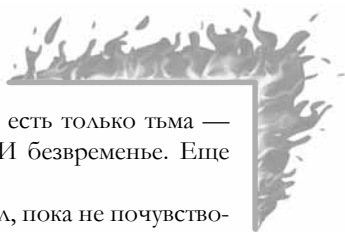
— Как будто это было вчера.

* * *

Крик выворачивал легкие. Резал уши. Ввинчивался в виски. Тонул в непроглядной тьме без остатка. Уходил в безвременье.

¹ Ихор — в древнегреческой мифологии прозрачная, благоуханная кровь богов.

² Мнемозина — богиня памяти.

Больше крику некуда было деваться. Здесь есть только тьма — вязкая, душная, липнущая к лицу и телу. И безвременье. Еще пустота.

Все это мальчик знал — но все же кричал, пока не почувствовал, как растет в груди болезненное ощущение разрыва. Тогда, поняв, что не может больше издавать звуков, умолк.

Голос, который он пытался заглушить криком, явился тут же — мягкий, идущий со всех сторон, а может, звучащий изнутри.

«Только не плачь, хороший мой. Хочешь послушать сказку, маленький?»

Проклятый голос раздавался неизменно и преследовал немолчимо: заткнешь уши, а он все равно звучит. И никогда не слушал, что ему говорят в ответ.

«Нет, не хочу! Я не хочу! Уходи, я не хочу!!!»

«Вначале был только великий Хаос — бескрайний, плодоносный, содержащий в себе вся и все... И явились из Хаоса Эреб — предвечный мрак, Эрос-Любовь, и Нюкта-Ночь, и Гея-Земля, и много чего еще, много кого еще...»

Тяжело дыша, мальчик смотрел во тьму широко открытыми глазами. А может, глаза были закрыты — это не играло никакой роли.

«Уран-Небо воцарился в мире и взял в жены Гею-Землю, и она родила. Первых ее детей — Гекатонхейров-Сторуких и Циклопов — Уран вверг обратно в материнскую утробу, утраченный их мощью. И они томилась в Тартаре — глубочайшей бездне, — и корчи мук сотрясали Землю...»

Из глаз вытекало что-то холодное, щекотало и склеивало ресницы, бежало по горячим щекам, застывая кристалликами соли. Это по каплям выходила ненависть, поселившаяся внутри, — когда успела? Это бежало к подбородку и капало с него жгучее осознание того, что последует дальше.

«Затем Мать-Земля родила титанов — новое племя, прямодушное и могучее, владеющее горами и морями. Она подстрекала своих детей свергнуть Урана, но титаны знали мощь отца и не решались пойти против него. Осмелился лишь один: Крон Криводушный, Повелитель Времени. Взяв алмазоподобный серп, выплавленный Матерью-Геей, Крон оскопил своего отца Урана и воцарился над титанами и над другими племенами...»

Появился и нарастал жалобный детский вой в груди — пожалу́йста, не надо дальше...

«Крон взял в жены сестру — Звездоглазую Рею... — Голос печален. Голос прерывается вздохом. — И они жили... да, мой мальчик, они хорошо жили, только сначала у них не было детей. Наверное, хорошо, что у них не было детей, мой мальчик, потому что Уран предсказал сыну: его ждет та же участь. Усмехаясь, лишенный плодородия Уран прошипел: “Судьба-Ананка, рожденная из Хаоса прежде всех, не минует тебя. Придет час — и тебя свергнет сын”. И Крон поверил — зачем только он поверил?!»

Мальчик извивался и бился, силясь освободиться от сладкой сети голоса. Вместе с голосом в полубеспамятство приносился неясный шум моря, облизывающего скалы, и запах молока, и мягкие руки касались лба...

«Когда прозвучало это предсказание, жена Крона Рея ждала ребенка. Ей так хотелось — пусть будет девочка. Она даже придумала ей хорошее имя: Гестия... Но родился мальчик. Наследник».

«Это не я».

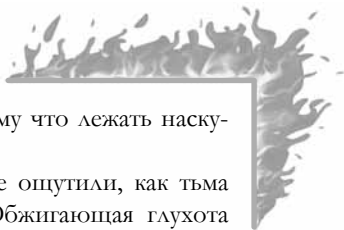
Крика больше не было, но пересохшие губы двигались, пытаясь привнести в неизменную сказку хоть что-нибудь свое. Подумашь — был какой-то там Повелитель Времени Крон. И жена у него была. И родился у них какой-то мальчик — мне-то что?

«На свет появился мальчик с волосами чернее смолы и глазами, впитавшими темноту ночного неба. И тогда Крон приказал принести младенца ему...»

И принесли. Какого-то там мальчика. Не меня — слышите?! Этот Крон приказал — он зараза, вот и приказал, — а его глупая жена все выполнила и принесла ему того младенца, а я тут совсем ни при чем, это он, не я...

Сказка обрывается рыданиями, долетающими приглушенно — из памяти. Плач женщины настойчиво мешается с младенческим ревом, переходящим в разрывающий грудь крик.

Мальчик кричал, словно стремясь разорвать окутавшую его душную тьму, и секунды-годы мешались со столетиями-мигами. Потом кричать запретило распухшее горло. Тогда он встал и побрел. А может, пополз — сквозь густую тьму, раздвигая ее пле-

чами и грудью. Ползти было нужно, потому что лежать наскучило.

Мальчик полз, пока детские пальцы не ощутили, как тьма и безвременье под ними уплотняются. Обжигающая глухота и пустота сгустились в слизкую, жилистую преграду — стену темницы.

«Хочешь услышать сказку, мой маленький?»

— Нет. Нет-нет-нет. Уходи. Замолчи. Все равно это не я, это не меня, это...

«Вначале был только великий Хаос...»

Великий Хаос, потом Уран и Гея, потом Крон и Рея, потом мальчик с черными глазами и волосами — тот, который не я...

Голос всегда один — усталый, тихий, ласковый. Пахнущие молоком пальцы трогают лоб одинаково бережно. Иногда выступают из тьмы руки, или хлещущее пенными бурунами море, или гневно-фиолетовый Уран-Небо над головой...

Потом появится и заслонит все бездонная глотка — перед тем, как темнота моей памяти перемешается с темнотой вокруг. Моей памяти. Не его.

«...На свет появился мальчик с волосами чернее смолы и глазами, вшитавшими темноту ночного неба. И тогда Крон приказал принести младенца ему...»

Вдрагивают детские губы, освобождая скопившийся звук: стон-вдох-всхлип — все вместе...

«Это... я?»

Да, это я.

* * *

Сожрал, значит, стервец. Как есть — сожрал. И задумываться не стал особо. Будто я, скажем, финник. Или ягненок. Спасибо, папочка, век не забуду! Главное, наследника. Первенца. Обидно до... с чем сравнить-то, когда вокруг — тьма и папашкина утроба. Тут даже времени нет.

Он повелевает временем, это верно, но внутри него оно перемешивается, спутывается: секунды — годы, столетия — миги... И в моей темнице — душно, темно, огненно-жарком мешке — ничто не указывает на то, сколько я тут просидел... пролежал... простоял...

Крон, сын Урана, Хаос тебе в печенку! Готовься к бескрайнему, вселенскому несварению желудка.

Ярость взметнула на ноги — оказывается, сидел, — бросила плечом на одну упруго-горячую стену, на другую.

— Ик, — неуверенно и басовито раздалось откуда-то вовне. Во второй раз разбег был больше, а удар — сильнее.

— Ик...

После третьего раза что-то вовне проревело, что у меня от-вратный характер. Или после четвертого?

От напряжения взвизгнули мышцы, боль хлестнула волной, задавила ярость, но я продолжал метаться и биться, биться и метаться... Потом падал в полузабытье (полностью забыться не удавалось никогда), но приходила ярость, толкала, поднимала на ноги — и я вставал и бросался, падал и вставал опять...

— *Ты упрям, маленький Кронид*¹.

Наверное, это сказал я. Здесь же все равно больше никого нет. Правда, с собой я пока не пытался разговаривать — чего доброго, с собой и поссоришься.

— Ага. Еще у меня характер скверный.

Смешок взрезал темноту, как зарница — небо. Я помню зарницы. Уран-Небо разбрасывал их, когда мать несла меня, недавно родившегося, к отцу — на пир, которым он отметил появление наследника, ставшего главным блюдом.

— *Раскаленный металл перестает вспыхивать — и иногда становится крепче камня...* — Голос задумчив и... не мой. Откуда младенцу, который не успел прожить и дня, знать о металле? В памяти — только сказка, касания рук, море, небо, пасть...

— Ты кто?

— *А ты сам-то на такой вопрос ответишь?*

Очень даже отвечу. Я вроде бы — мальчик и сын Крона Кри-вдушного, который — зараза. И у меня характер скверный.

— Имя у тебя есть?

— *Много имен. Но обычно меня зовут Ананка. Ананка-Судьба.*

Повеяло холодком среди обжигающих стен батюшкиной утробы.

«Ананка-Судьба, рожденная из Хаоса прежде всех», — услужливо подсказала память голосом матери.

¹ Кронид (Кронийон) — сын Крона.

— Зачем пришла?

— *Посмотреть на тебя.*

— Что? Посмотрела?

— *А я тебя не вижу. Тут же темно, хоть глаз выколи, — вот тебя и не увидеть. Аид-невидимка¹.*

И засмеялась, но не обидно, а весело. Аж самому захотелось. Попробовал... Забыл. Или все-таки не умел?

— *А как зовут тебя, маленький Кронид?*

А никак меня не зовут. Мать мне имя придумать не успела, а отец и придумывать не стал. Крон, Повелитель Времени, натура практичная и свою стихию тратить не любит. Принесли — сожрал. По животу похлопал и подытожил — мол, хорошо пошел первенец. Кажется, еще запил чем-то пахучим. Зараза.

— Никто меня не зовет. Меня некому звать. Ты зовешь «Аид-невидимка»...

— *А знаешь, почему я пришла?*

— На меня посмотреть, только не видишь почему-то.

— *Ну, тогда это честно, маленький Кронид. Ты ведь меня тоже не видишь.*

— Другие видят?

— *Очень немногие. И печально. Видеть свою Судьбу — это, знаешь ли, не всегда приятно.*

Голос у нее невеселый. Будто ее тоже во младенчестве сожрали. Или, например, ее колыбелью тоже стали тьма и безвременье.

— Значит, они тебя слышат?

— *Слушать свою судьбу умеют еще более немногие, чем видеть ее...*

— Почему?

— *Потому что они слишком хотят все сделать по-своему. Слишком себялюбивы, чтобы слышать мой шепот. Слишком горды, чтобы следовать советам и искать окольные пути. Они умеют только бороться... как твой отец.*

Помолчали. Безвременье вокруг смешивалось с тьмой, тьма душила безвременье. Им не надоедает быть частями единого целого.

---

¹ Имя «Аид» восходит к древнегреческому «невидимый, незримый».

— Значит, у него — тоже Судьба?

— У всех.

— И он хочет с тобой бороться?

— *Не надо со мной бороться. Пожалуйста, не надо со мной бороться! Мир еще так молод, а я уже так устала... с вами, глупцами, бороться. Побеждать. У меня ведь тоже — Судьба... предназначение.*

— А что с тобой делать тогда? Любить? Поклоняться?!

— *Нельзя любить то, что у тебя вечно за плечами. И поклоняться тому, о чем совсем не знаешь. Меня понимать надо. Понимать и принимать, какая я есть.*

— Ну и что тогда? Ты станешь мягче, что ли?

— *Маленький Кронид... я не бываю тверже или мягче. Я бываю твоя или нет.*

— Тогда какая ты — моя?

— *Ты мне нравишься, Аид-невидимка. Попроси меня. Какой захочешь — такой и стану.*

— И будешь у меня за плечами?

— *Если не прогонишь.*

Будто я дурак — прогонять.

* * *

Наверное, ей тоже было здорово скучно. Или даже вообще делать нечего. Вот и навевдалась раз за разом к сыну Крона, запертому в утробе своего отца. Так, подавала голос из-за спины. Роняла фразы. По делу и не по делу. В любом случае я смаковал их подолгу, словно материнское молоко, и безвременье казалось не таким томительным.

— *Ты что думаешь — мне совсем нечем заняться, только объяснять упрямому мальчишке, что и как там, вовне? Я, может, сизжу высоко, на небесах, выше самой высокой горы. И вращаю ось мира.*

— Ври больше.

— *А вот и вращаю, невидимка. Если не вращать — мой свиток писаться не будет, и жизнь совсем остановится. А мои дочери перестанут прясть нити судеб и вынимать жребии.*

— И что тогда?

— *Нельзя жить без жребия, маленький Кронид. Это значит вечно быть на перепутье дорог, каждая из которых ведет в неизвестность. Новый шаг — новое перепутье. Это значит остаться на растерзание случайностям. Двое, которым предопределено встретиться, — не встретятся.*

Слово, которое нужно произнести, не будет произнесено. Это значит, все вернется к тому, с чего все началось, невидимка, — в нем не было Судьбы...

— В чем? И с чего все началось? Ты что, опять за свое?!

Смеется только. Мол, ты еще маленький, невидимка, занимай себя другими разговорами.

Какая разница, чем заниматься. Тут же тьма и безвременье, безвременье и тьма... Разве только разбежаться — и на стенку броситься, послушать, как отец меня костерит.

— *А что это ты просто сидишь, а, маленький Кронид?*

Ну, точно делать ей больше нечего. А врет, мол, ось эту самую вращаю...

— Еще могу стоять. Или лежать. Все равно ж ни зги не видно.

— *Это ты здесь не видишь. Потому что и не стараешься что-нибудь увидеть. Тьма полна оттенками точно так же, как свет, невидимка, просто смотреть надо пристальнее... тоньше. Не глазами — собой. В кажущемся безмолвии можно различить звуки — только вслушиваться нужно как следует. Не ушами — собой.*

— Я не понимаю. Не вижу.

— *Ты упрям, маленький Кронид. Ты справишься.*

Тьма обиженно колыхнулась в такт голосу Судьбы. Подзатыльник отвесила — или это все-таки Ананка развлекается? Тьма — липкая, жаркая — обволакивала и, кажется, пыталась успокоить. А что? Она же мне — колыбель. Родные друг другу, можно сказать.

Оттенки черного явились первыми.

Не просил и не искал, даже и вглядываться не старался, а они пришли: черно-угольный, по-ночному черный, непроницаемо-черный, пыльно-черный, затягивающий мрак, черное дерево, черный со слюдяным блеском, черный, как то небо, которое я видел в снах.

Оттенки распирали тьму, толкались, лезли в глаза — да успокойтесь вы! — уплотнялись, рисуя неясные, зыбкие очертания. Очертания складывались несмело, менялись, потом рисовали новые оттенки: черно-багровый, черно-серый, черно-бурый, аспидно-синий...

Вблизи очертания обрели еще и ощущения. Неровные, свинцово-черные нагромождения — потрескавшиеся от времени валуны, об один ушиб лодыжку, крошатся под пальцами, караб-

каться на них неудобно. Жжено-серое с коричневым, шершавое, большое — древесные стволы, лежат, рассыпавшись, набросаны в беспорядке, приходится обходить. Жирно-черное, густо булькнуло под ногой — лужа вонючей жижи.

Чем дольше я учился видеть заново, тем больше давило ощущение бесконечности окружающего пространства, утроба отца не казалась больше тесной клеткой — лабиринт, чертоги... Беспредельная свалка.

— *Ты внутри времени. Думаешь, оно поглотило тебя одного?*

Вовремя это она... за плечами. Аж подскочил на месте, остушился на чем-то мягком, размазанном — и полетел в интересно звякнувшую грудку. Ругнулся словцом, каким отец обычно поминал меня, вылезая из кучи когда-то острых, а теперь затупленных шпук. Прищурился — попытался ловить оттенки...

Чернота бронзы — она снилась мне — и прозелень времени. Я знаю, что вот это длинное, с острым, но выщербленным наконецником — копьё, а вот поломанные стрелы лежат, затупленный нож, неудачно скованный меч...

— Как в него это все поместилось?!

— *Твой отец — Повелитель Времени. Когда он поглотил тебя, ты оказался в месте, куда уходит все, что попадает между его жерновами.*

Чьи-то кости осели под босыми ногами в пыль. Оно и видно — попали между жерновами.

— Я, значит, сейчас не у Крона в утробе.

— *Да — и нет, маленький Кронид.*

— Бывает, чтобы сразу и да, и нет?

Когда она так смеется — дует в макушку легким ветерком превосходства, — хочется заехать ей в нос. Только где он, этот нос, у Судьбы, кто его видел?!

— *Только так и бывает, невидимка... Ты в его утробе. Ты можешь разбежаться и удариться в ее стенки. Можешь сидеть в душном, узком мешке. И ты в бесконечном лабиринте Времени. Ты можешь бродить здесь столетиями. Можешь открыть длину переходов и ширину коридоров, и тысячи вещей, которые пожрало время.*

— От чего это зависит?

— *От твоего желания.*

Нынче ей было весело. Подпрыгивала, что ли, у меня за спиной. Дразнилась частыми, мелкими смешками — думать мешала.

— А не все равно, чего я тут хочу? Меня съели.

— Ты — сын Крона и Реи. Ты — внук Урана и Геи. Ты — правнук Хаоса. С твоими желаниями, невидимка, придется считаться кому угодно.

— И тебе?

— А как ты думаешь?

И залилась во весь голос — аж камни недалекие гулом откликнулись.

Хотеть чего-то — странно. Будто в чужую кожу влез. Знаю, как *не хотеть*, это привычно, это я помню. Не хотел быть здесь. Не хотел, чтобы звучал тот голос, который все набивался со сказкой.

Хочу я вернуться, где был раньше? В отцовской утробе можно хоть пару раз на стенки броситься — довести до икоты старую заразу. Здесь — простор, хлам, оттенки...

Пару вечностей можно побродить, а там посмотрим.

Наверное, здесь можно было бродить три тысячи вечностей — даже если бы я не возвращался время от времени в отцовскую утробу. О себе напомнить. Довести Крона до памятной изжоги, прислушаться к проклятиям извне — ага, скверный характер, а ты представь, в кого я, папенька! — закрыть глаза и провалиться в извилистый беспросветный лабиринт с непредсказуемыми изгибами, изменчивыми стенами, неразличимым верхом. Над головой всегда колыхалась густая тьма, не желавшая прорастать оттенками, а стены были разные на ощупь: то жаркие, упругие, пульсирующе-живые, то каменные, ползущие осыпью под пальцами, то будто кованые, с острыми скобками. Повороты, закоулки, тушники; ровные коридоры обманчиво уверенно уводят вдаль; пойдешь, а коридор не кончается, и камни под ноги попадают все те же; так вот и идешь, пока не брякнешься носом в камни от усталости; поднимешься — а ты на том же месте, где начинал путь. Частью коридоры были пустыми, частью в них встречалось хламье, которым питается время: волосы или нити, гнилые плоды, окаменевшие мертвые стволы, камни из жилищ и жертвенников, тела животных, а когда и только кости; миски, иглы, расщепленные инструменты, украшения вроде бус; шкуры, кубки, изорванные, поеденные насекомыми ткани... время хватало все подряд, охотно сваливало в кучи и хоронило внутри себя, и я бродил по этому великому могильнику — ощупью и по запахам, расквашивая нос, раздирая колени, разрезая ладони, пока оттенки не договорились и не начали приходить

чаще, пока острый лист, торчащий из темноты, не стал ущербным острием копыя, а мягкая, теплая масса не превратилась в кучу перепревших фруктов.

Пока я не стал отличать и видеть — стены, стволы, поломанные кресла, искаленные очаги, оскалы черепов...

Вот *ее* я не мог увидеть — а может, не хотел, даже когда наострился смотреть по-новому. А она уверяла, что не может увидеть меня — Аид-невидимка! Интересно, чего это она со мной разговаривает?

— *А тебе кроме меня и слушать-то некого.* — И этот ее смешок, похожий на зарницу. Или не на зарницу, а мне просто сравнивать не с чем. — *Пока что.*

— Пока — что?

— *Пока что.* — Посмаковала каждый звук, раскатила языком.

А сама мне еще говорила — попроси, мол, меня. Какой захочешь — такой стану. Интересно, если ее попросить не быть такой вредной — согласится?

— Что — старый гад еще кого-то проглотит?

Молчит, вредная. Наверное, к себе отправилась, на небеса. Ось мира вращать. Вечно она так — бросит слово или два, а они потом в темноте вокруг летают, щекочут виски, тревожат. Вот и сейчас — сквозь тьму проступают ворохи тканей, оттенки, узоры: черное на черном, темно-красное на черном, мрачно-желтое на сером... А вокруг — отзвуки. Тревожные. Нехорошие.

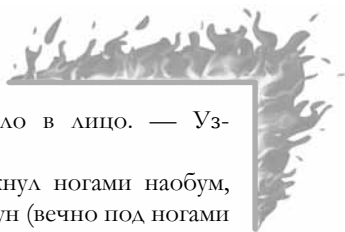
«Пока что».

В темноте и безвременье иногда были звуки. Шелест крыльев — побольше и поменьше, — и чье-то невнятное рычание, и хныканье, а как-то раз послышалось что-то похожее на песенку. Знать бы, кто ходит по этим темницам, кроме меня и Ананки.

Время — ненасытная и неразборчивая тварь. Если уж заглотнет — попробуй отбери...

* * *

Вихрь налетел неожиданно — со спины. Ударил шершаво и кожисто, не дав упасть до конца, надавил на грудь когтистой ладью, дыхнул жаром и гнилостью из разверстой пасти — и тьма была на его стороне, мельтешила в глазах, не давала рассмотреть противника...

— Последыш... — гнусно прошипело в лицо. — Узнаешь...

Узнавать не хотелось. Вскинулся, толкнул ногами наобум, крутнулся, плечо оцарапал о треклятый валун (вечно под ногами мешается!), вскочил, стиснув кулаки, впился глазами во тьму — где они там, оттенки?

Сгущаются оттенки. Рисуют угольно-серым силуэт высотой мне по грудь. Чешуя. Крылья. Огонечки глаз поблескивают — золотисто-желтые звезды, или звезды другого цвета?

Пасть — черно-красная — не закрывается, где ж тут закрыться, когда столько зубов. Не зубов даже — толстых, крепких игл.

Лапы — мощные, трехпалые, с кривыми когтями — словно от другого зверя. Черно-серебристая шерсть ошетибилась вдоль холки, на границе с чешуей. Шипастый хвост.

Перетекают с места на место оттенки, во тьме стараются потеряться... И я перетекаю, сжав кулаки; движемся, словно в танце, описывая полукруг.

Я не видел таких тварей во снах. Откуда здесь? Или тьма отцовской утробы таит больше секретов, чем кажется?

— Узнаешь... последыш...

К выпаду я был готов.

Ушел влево, пяткой проскользив по знакомой залысине, нырнул в тьму — родную колыбель, в крови вскипел азарт игры: ну, что ж ты, тварь? Поиграем?

Ага, поиграем, отозвался удар сзади и слева. В догонялки-разрывалки — валяй?

Двое.

От когтистой лапы над лицом увернулся, продлив падение; свистнул где-то в темноте хвост — по щеке потекло теплое. Рыкнуло у левого плеча: соткалась из серо-алых точек вторая тварь... или первая?

Уйти... уползти... отсидеться. Зарыться в ворох полуистлевших вонючих шкур, чтобы не учуяли. Забиться между валунов, в пыль, закопаться в кости и одеревеневшие ветки...

Давай, согласился третий вихрь, загораживая дорогу. Прячься, а мы поиграем. В находилки-кусалки. Или в травилки-удушилки.

Третья тварь была крупнее первых двух — голова выше моей. «Вожак», — вспомнилось или придумалось слово.

— Боишшшшься?!

Шипение обдало лицо ветерком. Я помню ветер. Он обдувал лицо, когда мать несла меня, едва родившегося... Бледного золота из глаз на морде вожака стало больше, когда мои губы поползли в ответный оскал. Куда более кровожадный.

— *С чего б?*

Тьма налилась новыми оттенками, резче обозначила краски и предметы. Я не отводил взгляда от двух лун в глазах у твари передо мной, а четыре другие луны обступали с боков — плыли, крались, стелились. Подбирались на расстояние прыжка.

Прыжок — а потом игра: кому первому достанется добыча. Беззащитная добыча, которая побеспокоила Крона. Добыча, которую Крон приказал усмирить. Ничего, что бессмертен, — не очень-то побуянишь, когда твое тело втроем рвут клыками.

Он замешкался, прежде чем броситься, — или я оказался настолько быстрее?

Тьма обняла, закружила, услужливо толкнула в руку что-то острое, источенное соками времени.

Мрак поддержал неокрепшую детскую руку, вцепившуюся в горло первой твари. Смешок Ананки сверкнул — направил лезвие в ладони. Брызнуло — горьким, едким, багрянец с жилами прочерни...

Мрак в глазах. Мрак — глаза. Мрак — все и во всем, захочу — и стану новым его оттенком... Это он — не я. Это он — и я...

Потом содрогнулась твердь под ногами и закричал отец. Смешно, он орал вовне так, будто рожать собрался, или словно в стену его утробы ударило что-то покрупнее меня, или будто кровь, толчками вытекающая из разодранного горла чудовища, пропекала ему желудок.

Второй гад был глуп: он решил кинуться на меня сверху, не понимая, что и там — тьма, что она окружает его, а значит — его окружаю я.

Хрустнула и прорвалась под пальцами перепонка. Лезвие, подвернувшееся под руку, потерялось; ничего, можно просто придавить коленом к скользкой, мягкой поверхности под ногами, стиснуть шею... не пальцами, нет. Обволакивать — со всех сторон. Проникать внутрь — с каждой попыткой сделать вдох. Убивать волей...